

Массовая эмоциональная деформация как ре-адаптация психоментального комплекса: на примере национального строительства в Восточной Азии в послевоенный период

Олег Станиславович ПАХОМОВ

Центр исследований Северо-Восточной Азии Университета Тохоку, Сендай, Япония, pakhomov.oleg.c2@tohoku.ac.jp

Аннотация. Данная работа является попыткой развития идеи массового психоза С.М. Широкогорова с помощью теории аффективного комплекса (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия) как особого культурно-психологического механизма опосредованного поддержания динамического равновесия этноса в ответ на изменение среды. В частности, статья на примере Восточной Азии рассматривает процесс и условия вхождения разных стран региона в состояния массовой эмоциональной деформации (МЭД) и его дальнейшего перевода (торможения) в институты национальных государств.

Ключевые слова: Широкогоров, этнос, психоментальный комплекс, массовый психоз, аффективный комплекс, Восточная Азия

Для цитирования: Пахомов О.С. Массовая эмоциональная деформация как ре-адаптация психоментального комплекса: на примере национального строительства в Восточной Азии в послевоенный период // Известия Восточного института. 2023. № 1. С. 42–54. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/42-54>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/42-54>

Mass Emotional Deformation as Re-Adaptation of Psychomental Complex: On the Example of the Nation Building in East Asia during Post-WWII Period

Oleg S. PAKHOMOV

Center for Northeast Asian Studies, Tohoku University, Sendai, Japan, e-mail: pakhomov.oleg.c2@tohoku.ac.jp

Abstract. This paper aims to develop S.M. Shirokogoroff's idea of mass psychosis with the help of theory of affective complex (L.S. Vygotsky, A.R. Luria). From this perspective, complex of mass emotional deformation is a special cultural-psychological externally mediated mechanism for maintaining the dynamic equilibrium of an ethnos in response to impulses of environment. In particular, the article, using East Asia as an example, examines how different countries of the region entered into state of mass affect with its consequent translation (inhibition) into the institutions of nation-states.

Keywords: Shirokogoroff, ethnos, psychomental complex, mass psychosis, affective complex, East Asia

For citation: Pakhomov O.S. Mass Emotional Deformation as Re-Adaptation of Psychomental Complex: On the Example of the Nation Building in East Asia during Post-WWII Period // Oriental Institute Journal. 2023. № 1. P. 42–54. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/42-54>

Особенностью Восточной Азии является то, что формирование государственности большинства стран региона как в традиционный, так и в современный период является результатом сложных отношений с Китаем как с ведущим этносом. Современные исследования, как правило, подходят к изучению определяющего влияния Китая в регионе с политической, экономической или культурной перспектив, не уделяя достаточного внимания психологическим аспектам. Данная работа является попыткой показать, что теория этноса С.М. Широкогорова в целом и такое экстремальное проявление этнического процесса, как массовые эмоциональные деформации (МЭД), позволяют вскрыть глубинное культурно-психологическое измерение синоцентричности Восточной Азии. Историческим материалом исследования является период с победы Коммунистической партии Китая в гражданской войне в 1949 году и до конца 1980-х годов. Указанный период дает пример завершённого цикла развития МЭД в Китае и его распространения во всех странах Восточной Азии. Разрушение Японской империи и западной колониальной системы, а также международные реалии Холодной войны поставили страны

региона перед необходимостью применения особых экстренных мер для создания институтов национальных государств в кратчайшие сроки при существовании острых внутренних классовых, этнических и религиозных противоречий. Другими словами, в этот период возникли идеальные условия для активации адаптивного механизма психоментального комплекса через вхождение региона в деформированное эмоциональное состояние, где Китай сыграл роль ведущего этноса, и отношения с которым во многом предопределили логику развития МЭД, а значит, и государственности в Восточной Азии.

Широкогоров рассматривал проблему психических расстройств (индивидуального и коллективного) как процесс адаптации психоментального комплекса к импульсам среды. Патологическое поведение или олонизм (от тунгусского *olong*) возникает из-за резкой потери равновесия этноса в силу необходимости интегрировать новый элемент в психоментальный комплекс и выражается в отключении сознательной деятельности с переходом на стихийное бессознательное поведение [17, с. 245–248]. Психоз распространяется через особый механизм имитации (имитативная мания) как среди членов своей группы (эндемический психоз), так и среди представителей других этносов (эпидемический психоз) [17, с. 260]. С одной стороны, олонизм связан с риском распада этнической группы, так как усиливает неравновесное состояние психоментального комплекса (дисфункцию), связанное с необходимостью перестраивания внутренних взаимосвязей за счет усиления одних элементов и подавления других. С другой стороны, вхождение в массовый психоз создает условия для мобилизации необходимых ресурсов для дезорганизации существующего регулятивного механизма в короткие сроки и формирования новых более адекватных среде взаимосвязей. В ответ на увеличение количества патологического поведения члены этнической группы вынуждены создавать новый регулятивный механизм, который бы позволил овладеть коллективной формой поведения. Подобное аффективное формирование нового регулятивного механизма, как указывал Широкогоров, осуществляется через символизацию психоза, который в дальнейшем выстраивается новый системообразующий принцип будущих взаимосвязей психоментального комплекса [17, с. 261].

ПЕРЕФРАЗИРУЯ Л.С. ВYGOTСКОГО, массовый психоз можно определить как целостную психофизиологическую реакцию [2, с. 214], которая при определенных условиях может стать внешним опосредованным механизмом ре-адаптации этноса или комплексом массовой эмоциональной деформации (МЭД) по аналогии с аффективным комплексом А.Р. Лурии. [4, с. 60–61]. Необходимость создания опосредствованного механизма является неравновесное состояние психоментального комплекса, которое не позволяет интегрировать новые элементы среды, прежде всего межэтнической, за счет внутренних ресурсов. Это требует создания нового регулирующего механизма во вне индивидуальной психики в качестве подготовки последующей интериоризации. МЭД закладывает предпосылки для овладения индивидуальным и коллективным поведением социальной группы извне или, как указывает Ламброс Малафурис, познание должно выйти за рамки индивидуального сознания, чтобы охватывать более широкие когнитивные события, включающие взаимодействие между людьми, артефактами, пространством и временем [14, с. 67]. В основе подобного процесса ре-адаптации лежит особый вид эмоциональной энергии негативного характера, которая через цепочки интерактивных ритуалов, по Коллинзу [7, с. 38–40], взаимно фокусирует внимание на патологических символах и объектах, что, в свою очередь, позволяет вывести эмоциональное переживание за пределы индивидуальной психики и синхронно задать общую эмоциональную реакцию патологического характера.

Новый регулирующий механизм психоментального комплекса формируется на стадии его торможения. По мере вхождения общества в МЭД происходит непосредственное биологическое излияние аффекта в двигательную активность коллектива (моторику), которое разрушает (аффективная дезорганизация) предыдущий регулятивный механизм психоментального комплекса [4, с. 464–465]. Однако символизация МЭД позволяет начать процесс торможения через создание нового

регулятивного механизма, позволяющего избежать бессознательной аффективной дезорганизации поведения, переключив возбуждение на осознанный контролируемый тип реакций, в том числе с применением орудий (материальной культуры), которые определяют строй коллективных действий в МЭД. Другими словами, как указывал Выготский, символ, преодолевая аффект, осуществляет переход от непосредственного биологического излияния к культурным формам овладения поведением. В результате внешний опосредованный символический механизм в процессе торможения аффекта становится, по Выготскому, интрапсихическим знаком как новым средством связи психических функций [2, с. 325]. По мере того как новая коллективная социальная деятельность по регуляции патологического поведения переходит во внутренние структуры психики, происходит угасание МЭД и, следовательно, восстановление равновесия психоментального комплекса.

Теперь можно перейти к рассмотрению политической роли МЭД в Восточной Азии. Национальное строительство с помощью массовых аффектов в период после завершения Второй Мировой Войны в 1945 году происходило прежде всего как реакция на китайский аффективный комплекс. Особенностью Восточной Азии является то, что начиная с древности государственность большинства стран региона формируется как результат сложных отношений с Китаем. Перефразируя Выготского, можно сказать, что "Китай" как знак, то есть системообразующий регулятивный механизм психоментального комплекса стран Восточной Азии, будучи полностью интериоризирован, является тем универсальным культурным материалом, на основе которого происходит развитие местных аффективных комплексов. Следовательно, политическое и экономическое влияние СССР и США в регионе в рамках холодной войны встраивалось в синоцентричную внутреннюю логику Восточной Азии таким образом, что отказ от наследия японского и западного колониального империализма и формирование национальных государств проходило в форме сложных отношений с Китаем. Победа коммунистов в 1949 году сделала Китай примером успешного национально-освободительного движения в Азии и универсальным ориентиром для других стран региона. Кроме этого, только Китай обладал достаточными внутренними символическими и материальными ресурсами для вхождения в МЭД повышенной интенсивности для максимального воплощения послевоенной установки на формирование самостоятельного национального государства.

Степень интенсивности МЭД в регионе была разной. Каждая страна Восточной Азии подходила ко времени начала вхождения Китай в МЭД в 1950-х годах в разном состоянии. Это стало результатом сложного взаимодействия внутренних и внешних факторов, которые невозможно раскрыть в рамках журнальной статьи. Грубо упрощая, можно сказать, что конкретно-исторические условия, наметившие данную степень интенсивности МЭД, определялись комплексом причин, обусловленных наследием модернизации в рамках западных колониальных империй, разрушением Японской империи или влиянием Советского Союза, а также историческими особенностями давления международной среды в период холодной войны. Это могло означать, что некоторые страны уже прошли период МЭД и подходили к 1950-м годам с большей "эластичностью". В других странах, наоборот, модернизация и холодная война обострила классовые, религиозные и/или межэтнические противоречия настолько, что их решение было возможным только через МЭД повышенной интенсивности. Данная работа ограничится указанием на факт различия в степени аффективности политического процесса и сосредоточится на странах с повышенной интенсивностью МЭД. При этом рассмотрение военных конфликтов (Корейская и Вьетнамская войны) останется за пределами статьи в силу своего стихийного характера. Итак, определяющая роль Китая в формировании национальных комплексов МЭД выражалась в том, что аффект в странах Восточной Азии приобретал или про-китайский, или анти-китайский характер, который в реалиях холодной войны принял форму противостояния социализма и капитализма. При этом Камбоджа (Кампучия) дает пример про-китайского МЭД, а Индонезия – пример анти-китайского МЭД наивысшей в регионе интенсивности.

Китайский комплекс МЭД

МЭД был одной из основополагающих элементов китайской государственности в имперский период. Важной политической функцией конфуцианских ритуалов была организация перехода централизованной иерархии, то есть социальной организации по Широкогороду, во внутренние психологические операции отдельной личности. С этой целью конфуцианство было устроено по принципу, который китайский философ Ли Дзехоу (李泽厚) обозначил как "рационально-эмоциональная структура" (情理结构) [23, с. 201–202]. Символически ритуалы были устроены таким образом, чтобы каждый отдельный государственный чин, с самых низших до высших, и вся иерархия имперской бюрократии в целом были связаны с определенным, прежде всего, позитивным эмоциональным опытом (乐).

Важным, но не единственным элементом конфуцианской ритуалистики было особое взаимодействие со смертью через систему траурных мероприятий по усопшим, главным образом с уже встроенными в имперскую иерархию родителями. Смерть, как самый экстремальный эмоциональный опыт человеческой жизни, через ритуал обеспечивала контролируемый вход и выход в/из МЭД, а также регулировала степень интенсивности протекания аффективного состояния. Кроме этого, опора на культ предков организовывал МЭД таким образом, чтобы интериоризация имперской иерархии проходила на основе местных практик без необходимости их унификации. Острое чувство скорби по усопшему было биологическим началом вхождения в аффект с его последующим торможением через взаимодействие с ритуальной символикой, которая означала переход скорбящего в сакральное пространство мертвых предков. При этом взаимодействие с материальными орудиями, например, телом усопшего, траурной одеждой и местом захоронения, придавали аффекту еще более контролируемый характер. За мертвыми закреплялось место в потусторонней иерархии, а живые наследовали место в посюсторонней иерархии. В результате социальный статус становился сакральным, так как именно в нем отдельный человек как бы преодолевал смерть, а эмоциональное переживание смерти позволяло сделать так, чтобы бюрократическая иерархия и весь имперский порядок стали частью внутренней психической жизни каждой личности. Таким образом, траурный ритуал был символическим преодолением смерти в централизованной иерархии Китая или, перефразируя Эрнеста Беккера, это был имперский "план бессмертия" [5, с. 118–120].

Разрушение регулятивного механизма китайского психоментального комплекса Синьхайской революцией (1911) запустило процесс болезненного поиска новых форм по созданию единого комплекса МЭД, который растянулся на несколько десятилетий. В условиях Восточной Азии, прежде всего в Китае, адаптация нового элемента в форме институтов западной демократии неизбежно означало разрушение единого системообразующего регулятивного механизма и переход к аффектации с общегосударственного на взаимно конфликтующие местные (региональные, этнические или религиозные) МЭД. В попытке интегрировать европейский элемент уже в 19 веке сначала японское, а затем и китайское неоконфуцианство, разрабатывает идею о том, что всё общество, а не только верховная власть обладает некой "национальной сущностью" (国粹) [24, с. 113–116], которая остаётся неизменной, несмотря на прогресс [25, с. 20–22]. Из этого следовала необходимость поиска способов передачи власти народу. Обращение к наследию легистов и нереализуемому в китайских условиях опыту Японии создало иллюзию, например, у Кан Ю Вэя о возможности модернизации китайской монархии [21] или даже создания парламентской республики, как наивно полагал Сунь Ятсен [6, с. 370]. В результате множества неудачных социальных экспериментов по модернизации монархии проблему массовой аффектации неудачно пытаются решить сначала региональные военные клики, а затем и диктатура Чан Кайши.

В частности, гоминьдановская идеология "органического национализма" утверждала, что "традиция" является достоянием всего народа, защита которой требует организации Китая по военному образцу. Статус защитника национальной традиции позволял Чан Кайши стать над обществом в качестве верховного арби-

тра в отношениях между партийными фракциями, а также разными слоями общества. Однако в до-тайваньский период Гоминьдану не удалось синхронизировать МЭД во всекитайском масштабе, так как конкретное воплощение "органической нации" менялось в зависимости от текущих задач и, следовательно, ограничивалось отдельными социальными или региональными группами, например, в форме общекитайской борьбы против Японской империи, неформальных репрессий против китайской буржуазии или открытого террора против китайских коммунистов [16, с. 416].

Создание полноценного комплекса МЭД удалось только Коммунистической партии, прежде всего, в результате знакомства с советским опытом и активной работы с крестьянством. Решение, к которому пришел Мао Цзэдун, имело сложное происхождение, но возникло в большей степени благодаря стабильному взаимодействию между партией и китайским крестьянством, на основе которого стал возможен теоретический синтез наследия опыта Октябрьской революции 1917 года, "Движения 4 мая", экспериментов Лян Шумина в Шаньдуне [19, с. 457–474], "хождения в народ" Пэн Бая [11, с. 51–60], а также опыта политической борьбы китайских коммунистов. Репрессии Гоминьдана не дали возможность китайским коммунистам закрепиться в городах, вынудив их переместиться в сельскую местность и активизировать практическую работу с крестьянством по решению в первую очередь земельных вопросов. Перемещение в деревню позволило Коммунистической партии проводить эксперименты по реорганизации крупных хозяйств через конфискацию и перераспределению земли в пользу крестьянства. Это создало не только стабильный социальный и экономический базис коммунистической партии в крестьянстве, но также заложило основы нового регулятивного механизма китайской государственности.

В опоре на опыт революционной борьбы Мао Цзэдун начал создание общеклассовых (всекитайских) механизмов МЭД. Применительно к Китаю Мао еще в 1920-х годах выдвинул идею о "двух движениях" (两种运动), которая предполагала, что Коммунистическая партия должна жить жизнью народных масс, чтобы практически погрузиться в социальную жизнь народа, но одновременно находиться снаружи в качестве руководящей и направляющей силы. Партия не может оставаться на уровне повседневной народной стихии из-за её хаотичности и фрагментарности. При этом Партия также и не может просто поставить себя над обществом, как это делал Гоминьдан, так как она превратится в бюрократическую организацию, которая оторвана от жизни низов. Как говорил Мао, необходимо "соединить сердца людей на основе морали маленьких людей, а не сверху". Соединение повседневной жизни людей с партийной работой позволит объединить эклектичные и фрагментарные идеи и практики народных масс в единый политический порядок. С этой целью созданием теории революционных преобразований и их практической реализации должны были заниматься сами крестьяне, мобилизованные в партийные органы. В частности, по мнению Мао важным воплощением принципа "двух движений" является решение земельного вопроса, которое не должно быть подачкой сверху, а результатом борьбы низов, которые действуют через Партию [15, с. 556].

Эпидемический характер МЭД укреплял политическую автономию Китая в международных реалиях Холодной войны. Действия руководства коммунистического Китая были направлены на то, чтобы превратить эндемический китайский МЭД в эпидемический с целью распространить его на максимальное количество стран. Подобное протекание китайского МЭД, по аналогии с имперским периодом, строилось в форме особого взаимодействия со смертью. Однако в отличие от имперского периода институционализация "смерти" в Китае носила скорее стихийный, хаотичный характер. Наибольшую организованность взаимодействие со "смертью" получит в диктатуре Сухарто и у красных кхмеров в Кампучии. В частности, продвижение радикальных программ политической борьбы на международной арене было необходимо, чтобы показать слабость Советского Союза и перехватить инициативу в социалистическом лагере и тем самым идеологически закрепить свободу действий как во внешней, так и внутренней политике.

Например, в переговорах с СССР китайское руководство умышленно выдвигало заранее невыполнимые требования, которые гарантировано будут отвергнуты советской стороной, такие как призыв к ядерной войне против США, тотальной вооруженной поддержке всех национально освободительных движений и готовность Китая пойти на многомиллионные жертвы, что и было продемонстрировано на практике во время Корейской войны (1950-1953) и Большого скачка (1958-1960). В результате подобное "патологическое" поведение позволило Китаю закрепить свою роль как одного из лидера новых национальных независимых государств на Бандунгской конференции (18-24 апреля, 1955), а также активизировать связи с социалистическим движением в Северо и Юго-Восточной Азии, чтобы вести борьбу уже на двух фронтах против "капиталистического империализма" и "социалистического империализма", которые, как отмечал Чжоу Эньлай, несут одинаково угрозу Китайской независимости и, следовательно, независимости всех стран Азии [26, с. 166].

Радикализация политических взглядов Мао Цзэдуна позволяет закрепить идеологическую автономию от Советского Союза внутри Китая. В деятельности Мао особо важную роль играет умышленно произвольный характер политических кампаний и научных дискуссий, которые на первый взгляд несут абсурдный характер, начиная от критики Сталина до катастрофы Большого Скачка. Подобными шагами Мао Цзэдун старался показать, что национальный суверенитет Китая рождается изнутри самого китайского народа. Чем более произвольный характер носили его действия и чем меньше в них было логики, тем больше это доказывало сакральное всемогущество его политического руководства, которое стоит над всеми атрибутами "профанного общества". В частности, критика Сталина со стороны Мао не была направлена на конструктивную дискуссию по вопросам социалистического строительства, но сам факт критических высказываний в адрес советского вождя безотносительно их содержания должны были поставить руководителя Китая в один ряд с такими признанными классиками марксизма, как Маркс, Энгельс и Ленин.

Яркими примерами подобного аффективного разрыва с советским опытом являются кампании "Пусть расцветают сто цветов" в идеологии и "Большого скачка" в экономике. "Цветочная" кампания была направлена не на то, чтобы опереться на творчество народных масс или привлечь интеллигенцию на сторону коммунистической партии. Подобный прагматический результат кампании был вторичен. Главная задача была вхождение Китая в состояние МЭД. С этой целью Мао Цзэдун особо указывал на то, что движущей силой социалистического строительства являются разного рода антагонизмы, диалектическое единство которых и формирует политическую субъектность китайского народа. Следовательно, чем больше мнений будет высказано снизу по максимально широкому кругу вопросов, тем больше будет символического материала для создания антагонизмов и противоречий и тем сильнее будет национальный суверенитет Китая. Например, Мао использовал критику со стороны интеллигенции как доказательство её отрыва от народных масс, таким образом лишая её монополии на научное знание. В результате с помощью "цветочной" кампания китайский народ становится главным источником научного знания под руководством Партии, которому теперь даже "необязательно читать классику, а можно только слушать". "Большой скачок" преследовал похожую цель показать наличие национального суверенитета Китая в экономике. Массовая выплавка стали была умышленным "патологическим" нарушением принципов советского планирования, и должна была показать, что народные массы могут сами создавать собственные принципы социалистического строительства. Экономическое творчество масс подчеркивало оторванность просоветских фракций в Госплане КНР от народа. Уничтожение "четырёх вредителей" должно было показать, что мощь революционных народных масс способна подчинить себе не только науку, технику, но даже природную стихию.

Свобода от советских ограничений дает возможность Мао создать идеологический механизм тотальной мобилизации китайского общества. Абсолютизация

внутренних противоречий позволяет руководителю Китая оправдывать создание и разрушение и вновь воссоздание любого порядка, сбрасывать любые авторитеты и создавать новые. Все аспекты социальной жизни потенциально становятся вопросом революционной борьбы и, следовательно, требуют вмешательства верховной власти. Китайское общество может стать народом только через постоянный процесс развития и преодоления всё новых противоречий между политической централизацией и децентрализацией. Столкновение двух противоречий не может привести к равновесию, так как централизация создаёт необходимость децентрализации, а децентрализация в конечном итоге требует централизации.

Важность самого Мао Цзэдуна для национального суверенитета заключается в том, что все противоречия в китайском обществе получают разрешение именно в культе его личности. В соответствии с теорией о "двух движениях" Мао заявлял, что Коммунистическая партия должна жить жизнью народных масс, чтобы погрузиться в социальную реальность, но одновременно находиться снаружи в качестве руководящей и направляющей силы. Однако руководящая роль партии в качестве авангарда революции неизбежно приводит к отрыву от народных масс через пере рождение в бюрократизм, что требует активизации народного движения. Народное революционное творчество, которое неизбежно приведет к хаотизации политического процесса, которому требуется руководящая роль партии. Переход от одного к другому противоречию происходит через то, что Мао называл "утверждением отрицания" (否定规律), когда "Великий кормчий" сам определяет, какой класс в данный исторический период является прогрессивным и, следовательно, кому следует передать политическую власть [22, с. 144–155].

Подобная "сакральная" роль Мао обеспечила ему тотальную победу над политическими оппонентами во время Лушанского пленума (1959). Согласие с критикой и признание своих ошибок за "Большой скачок" символически были отречением от власти не только в пользу маршала Пэн Дэхуая, но также партийного и военного руководства. Однако в последующих выступлениях на пленуме Мао Цзэдун заявлял, что ошибки и просчеты "Большого скачка" были не только ошибками лично Мао, но и всего китайского народа. Поэтому Пэн в лице Мао пытается обвинить весь китайский народ и таким образом забрать у масс политическую власть, которую дал "Великий кормчий". Далее Мао заявляет, что участие народных масс в социалистическом строительстве было не ошибкой, а большим успехом, а Пэн Дэхуай пытается лишить китайский народ этой великой победы. Пэн не только оторвался от народных масс, он, как и его сторонники в высшем партийном и военном руководстве, стали врагами народа и революции [8, с. 116–123].

В результате полная победа в политической борьбе и тотальный характер МЭД позволили Мао создавать национальные общеклассовые всекитайские институты государственности. В новой политической парадигме Культурной революции городская молодёжь олицетворяла китайский народ, а Армия становилась его организующим и направляющим авангардом. Обновленная Армия стала под руководством Лин Бяо воплощением идеи Мао "о двух движениях". С одной стороны, Армия должна была "учиться у людей", а с другой – стать руководящим органом народного движения. С этой целью НОАК возродила символику партизанской борьбы 1930–1940-х годов, что подчеркивало близость армии ко всему китайскому народу в качестве авангарда революционной и национально-освободительной борьбы против внешних и внутренних врагов. Однако для обретения универсальной политической силы Армии не хватало идеологического "благословения" Великого кормчего. С этой целью Мао выдвигает идею о совместной диктатуре революционных классов, что позволяет рекрутировать через армейские структуры людей из самых разных социальных слоев независимо от их происхождения, прежде всего, городскую молодёжь, в качестве пара-милитаристских боевых единиц для участия в сакральной борьбе против врагов революции.

Влияние китайского комплекса МЭД на Восточную Азию

Подверженность влиянию китайского МЭД зависело от многих внешних и внутренних факторов. В странах, где исторически политические институты уже

сформировались, легче удавалось справиться с китайским аффективным влиянием. Напротив, неразвитость государственности требовала создания опосредованного механизма в виде МЭД, главной моделью которой был Китай. Следовательно, массовый аффект, как правило, развивался в прокитайской или антикитайской форме, что часто, но не всегда символизировалось в противостоянии социализма и коммунизма. В целом, можно сказать, у капиталистических стран, кроме Индонезии, было меньше предпосылок для вхождения в широкомасштабный МЭД, чем у социалистических, кроме Монголии. В послевоенных условиях и в условиях развернувшейся политической борьбы левому движению больше, чем буржуазным правительствам, требовался МЭД для создания собственных институтов. Такие страны, как Япония или капиталистические диктатуры Тайваня, Южной Кореи, Таиланда, уже или имели собственные сложившееся во многом при поддержке США институты государственности (бюрократический аппарат, армия, полиция, капиталистические монополии) или опирались на бывшие колониальные репрессивные институты, как, например, антикитайский террор британский войск в Малайзии, в то время как социализм только начинал свое формирование как публичная политическая сила. В результате МЭД в капиталистических странах был ограничен, как правило, леворадикальным движением, как это было в Японии, или имел скорее принудительный и, следовательно, поверхностный характер, который строился по другим психологическим механизмам, стремясь скорее подавить волю населения к политической борьбе через угрозу террора и требование национальной солидарности, чем вызвать всеобщий эмоциональный подъем.

Социалистической Монголии в большей степени удалось избежать влияния китайского МЭД благодаря Советскому Союзу. В частности, Монголия уже прошла свой период интенсивного МЭД по сталинской модели еще в 1930-1940-х годах в правление Хорлогийна Чойбалсана и, следовательно, подошла ко времени начала китайского МЭД с уже более-менее сложившимися институтами национального государства. Его преемник Юмжагийн Цеденбал в послевоенный период вынужден был в след за Хрущевым пойти на критику культа Чойбалсана, что ослабило сакральность верховной власти и возможности верховной власти организовать МЭД. В итоге, подобно Брежневскому отношению к Сталину, Цеденбал мог не усиливать критику наследия Чойбалсана, но одновременно не мог полностью его реабилитировать. Это позволяло Москве поддерживать своего союзника, но одновременно пресекать попытки радикализации монгольской политики, тем самым изолируя страну от китайского МЭД.

Государственное строительство КНДР максимально близко подошло к адаптации китайской модели МЭД, общую логику которого можно проследить по учению "чучхе". На первый взгляд, эклектичный характер не позволяет описать чучхе как стройную идеологическую систему, поэтому многие исследователи ошибочно пытаются найти его истоки в конфуцианстве, христианстве, сталинизме, партизанской борьбе или вообще отказаться от её рационального объяснения, как, например, А.Н. Ланьков, для которого чучхе –

это просто всё, что говорил Ким Ир Сен [1, с. 387]. Однако недостаточно просто указать на разные истоки чучхе, но необходимо определить системообразующий элемент, который бы позволил связать их в единую идеологическую систему. Таким элементом являются отношения с Китаем. Руководству КНДР приходилось иметь дело не с угасающим в пост-сталинский период советским МЭД, а прежде всего с набирающим силу китайским МЭД в его экстремальных формах. В этой связи чучхе – есть корейская адаптация прежде всего китайского МЭД. В центре идей чучхе стоит "патологическое", как бы сказал Широкогоров, поведение верховного правителя, целью которого является аффективная реорганизация существующего порядка на общеклассовых (всекорейских) принципах. Чем больше хаотичных заимствований в произвольных комбинациях в чучхе, тем больше это подчеркивает всемогущий характер верховного правителя, который смог своим интеллектом и харизмой создать национальную промышленность и обеспечить национальный суверенитет.

Самовоспроизводство северокорейского МЭД происходило через практическую реализацию маоистских идей об универсальности противоречий. В частности, Ким Ир Сен, ссылаясь на принцип "демократического централизма", призывал членов Трудовой Партии Кореи (ТПК) критиковать любые проявления чрезмерной власти и одновременно обвинять тех, кто решался на подобную критику в отсутствие партийной дисциплины. Это позволяло изображать КНДР как пример социалистической демократии и одновременно оправдывать любые негативные/позитивные санкции по отношению к произвольно определенным лицам внутри партийного аппарата. Для организации давления на правящий класс снизу Ким Ир Сен указывал на необходимость реализации "тэанской" системы, которая означала приближение партийного руководства к низам для воплощения линии масс в управлении экономикой, которые так же, как и Партия, являются собственниками на средства производства. Кроме этого, с целью тотальной мобилизации населения власть поощряла противоречия и среди местных общин (인민반), например, через систему доноительства, не столько для того, чтобы внести раскол в общество (разделяй и властвуй), а для того, чтобы дать возможность самому обществу снизу создавать механизмы для партийных интервенций против средней и низовой бюрократии. Это является основным отличием северокорейского комплекса МЭД от южнокорейской диктатуры. Идеология "чачхе", которая изображала РК как большую семью, напротив, пыталась снять вопрос о классовых антагонизмах, ограничиваясь требованиями лояльности и "национальной морали" ради "национального спасения" [20, с. 112].

Влияние китайского комплекса МЭД достигло наивысшей интенсивности в Юго-Восточной Азии. К моменту формирования китайского комплекса МЭД в 1950-х годах ЮВА подошла со сложным историческим наследием. Регион является особым примером формирования государственности на периферии Китайской империи, на основе синтеза местной социальной организации, брахмической и конфуцианской политических традиций. [9, с. 15–30]. Попадание большинства стран в колониальную зависимость от западных держав было во многом связано с распадом синоцентричного миропорядка. Следовательно, "Китай" уже был глубоко интериоризированным знаком и должен был стать своеобразным выходом из состояния колониализма. Тем более, что начало МЭД в Китае как раз и предлагало готовую методологию такого выхода.

Опыт МЭД стран региона можно расположить между двумя крайними полюсами отношения к Китаю: режимом Красных кхмеров в Кампучии и режимом Сухарто в Индонезии. Геополитические процессы в регионе не позволили королю Сиануку в Камбоджии и Сукарно в Индонезии остаться в стороне от реалий холодной войны через создание идеологических платформ "третьего пути", которые бы позволяли им лавировать между СССР, Китаем и США. "Буддийский социализм" камбоджийского короля и "управляемая демократия" первого президента Индонезии завершились полным провалом, так как логика международной борьбы требовала четкого выбора, на чьей стороне находятся новые государства. В результате обе страны стали крайними формами проявления двойственного отношения к Китаю, которой следовали и другие страны региона, тяготея к тому или иному полюсу только с гораздо меньшей интенсивностью. Прокитайская позиция МЭД кхмеров означала не столько поддержку руководства Китая, с которым у кхмеров были сложные отношения, но прежде всего приверженность маоизму и практике Культурной революции как идеологической основе построения государственности. Антикитайская суть террора Сухарто также имела сложную природу. Борьба Сухарто против коммунистической угрозы в конечном итоге была борьбой против усиления влияния Китая, поэтому главными жертвами там стали не только коммунисты и их потенциальная социальная опора в виде крестьянства, но и китайская диаспора. Одновременно сам режим Сухарто опирался в первую очередь на китайский крупный капитал, который был связующим звеном с европейским и американским капиталом.

Национальное строительство современной Индонезии начало активно формироваться во время тотального террора 1965–1966 годов, который символизировался во многом как антикитайский. В ответ на неудачный переворот 1965 года военные во главе с Генералом Сухарто начинают массовые репрессии против индонезийских коммунистов, их предполагаемых сторонников среди крестьянства и этнических китайцев, что дало начало политическому режиму, получившему название "Новый порядок". В своей борьбе якобы против коммунистической угрозы Сухарто воспринял некоторые принципы китайского пути в его коммунистической материковой и капиталистической тайваньской ипостаси, совмещающая идею о "двух движениях" Мао и "белого террора" Чан Кайши. Официальная пропаганда описывала массовые убийства как порыв народных масс, указывая на то, что данное коллективное действие рождалось не извне, а изнутри самого народа. Стихийность и огромный размах террора только подчеркивал мощь народного движения и в дальнейшем давал руководству неограниченную свободу в формировании политического порядка. По аналогии с идеями Мао руководство Индонезии утверждало, что творчество масс носит стихийный характер и ему требуется руководящая сила, которой стала армия. Идеологической платформой, которая перевела геноцид в институты руководящей роли армии, стала идея о "двух функциях" (*dwifungsi*). "Две функции" предполагали, что армия играет как военную функцию по защите национального суверенитета от внешних врагов, так и гражданскую функцию поддержания политической и экономической стабильности в стране. Военная часть была соединена Сухарто в национальную мегаструктуру, которая объединяла все виды войск под единым руководством. Гражданское крыло армии стало авангардом идеологической борьбы и полицейского контроля внутри страны, организованное в правящую партию Голкар, на страже "пяти основ" (*pancasila*). В результате национальный (общеевропейский) "Новый порядок" стал институционализированным геноцидом 1960-х годов, который верховная власть через формальные и неформальные механизмы могла активизировать в любом месте, любое время и против любой социальной группы или отдельного человека [10, с. 120].

Социально-политический эксперимент Коммунистической партии Кампучии также следовал принципу "двух движений" и "противоречий" Мао Цзедун. Массовое перемещение людей из городов в сельскую местность не только преследовало практическую цель поставить всё население на само-обеспечение в условиях реальной угрозы массового голода, как следствие ковровых бомбардировок Камбоджи авиацией США (Операция "Меню" 1969–1970) под предлогом борьбы против Северного Вьетнама, но также имело важное символическое значение. В рамках идеологии красный кхмеров это был особый акт национальной всекамбоджийской (общеклассовой) сакрализации общества, которое становится единым народом через перемещение из буржуазного индивидуализированного "города" в коллективистскую "деревню". Если при Мао Цзедуне во время Культурной революции отправка людей на перевоспитание в деревню не носила тотального характера, то красные кхмеры решили перевоспитать сразу весь народ. Именно коллективный социальный порядок и коллективный труд камбоджийской деревни должен был создать нового человека, лишённого "ложного сознания". Единство камбоджийского народа в новых условиях было единством противоречия между "новыми" и "основными" людьми, где первые были выходцами из городов, а вторые деревенские жители [12, с. 201–207].

МЭД в Кампучии достиг еще более тотальных форм, чем в Китае. Следуя логике Мао, красные кхмеры также исходили из того, что творчество народных масс имеет хаотичную природу, поэтому перевоспитание и организация развития противоречий в обществе должно происходить через руководящую роль партии. При этом Коммунистическая партия Кампучии не была бюрократическим монстром, стоящим над обществом. Её тотальный характер строился по принципу "пустого правительства", став апогеем развития идеи Мао о партизанской роли армии и хунвейбинов во время Культурной революции [18, с. 84]. Партия не имела яс-

ной иерархии, должностей, а также избегала массовой публичной активности и руководилась максимально обезличенными лидерами – "братьями". Подобная конспирация должна была подчеркнуть единство партии и народа во всепроникающем характере МЭД. В парадигме красных кхмеров, негативная или позитивная санкция в отношении любого человека, неважно совершается она по указанию руководства или нет, является одновременно прямым проявлением творчества народных масс, его революционной борьбы, но при этом как бы сразу получает организованный партийный характер. В результате неограниченный характер политических действий означал всемогущество камбоджийского народа, его самодостаточный характер, который позволил не только отстоять национальный суверенитет от внешних и внутренних врагов, но также подчинить государству человеческую природу и природные стихии, прежде всего воды при массовом строительстве ирригации.

Заключение

Теория этноса С.М. Широкогорова и культурно-психологическая психология С.М. Выготского – А.Р. Лурии помогают раскрыть психологические основания политического процесса, в частности, формирование национальных государств в Восточной Азии. Данная работа пыталась показать, что серия массовый эмоциональных деформаций (МЭД), которые вспыхнули в период между 1950-ми до конца 1980-х годов, не были просто проявлением коллективного помешательства и массового насилия, но не смотря на свою жестокость, в конечном итоге стали тем опосредованным механизмом, который позволил создать новые или адаптировать старые институты государственности к новым историческим условиям. В частности, комплексы МЭД развились в системообразующие институты национальных государств в большинстве стран региона от Коммунистической Партии Китая, Трудовой партии КНДР до Либерально-Демократической Партии Японии и Панчасила в Индонезии. Кроме этого, теория этноса показала культурно-психологические механизмы синоцентричного порядка, где Китай играл и играет роль ведущего этноса, по Широкоговору, или ведущего аффекта, по Лурии. В таком виде Восточная Азия подошла к началу интеграции региона в неолиберальную глобализацию в 1980-х годах, которая проходила в форме "шоковых" МЭД, такими как восстание в Кванджу (1980) в РК, Китайско-вьетнамская война (1979), массовые убийства у острова Лейю на Тайване (1987) или события на площади Тяньаньмэнь (1989), которые, также при определяющей роли Китая, позволили закрепить поражение социалистического движения [13, с. 184–193].

Литература

1. Асмолов К. В. Корейская политическая культура: традиции и трансформации. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. 697 с.
2. Выготский Л.С. Учение об эмоциях. Историко-психологическое исследование. Собрание сочинений в 6 т. Т. 6. М.: Педагогика, 1984. 400 с.
3. Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: ЭКСМО, 2005. 1136 с.
4. Лурия А. Р. Природа человеческих конфликтов. Объективное изучение дезорганизации поведения человека. М.: Когито-Центр, 2002. 527 с.
5. Becker Ernest. The Denial of Death. New York: Free Press Paperbacks, 1997. 314 p.
6. Bergère Marie-Claire. Sun Yat-sen. Translated from the French by Janet Lloyd. Stanford University Press, 2000. 370 p.
7. Randall Collins. Interaction Ritual Chains. Princeton University Press, 2004. 458 p.
8. Harding Harry. The Chinese State in crisis // Fairbank J. K. (eds.). The Cambridge history of China. Vol. 15.1991. 1136 p.
9. Heine-Geldern R. Conceptions of State and Kingship in Southeast Asia // The Far Eastern Quarterly. 1942. No. 2. P. 15–30.
10. Harisanto Eddy. The Dual Function of the Indonesian Armed Forces (Dwi Fungsi ABRI). Master Thesis. Naval Postgraduate School. Monterey, California, USA. Submitted on December, 1993. 132 p.
11. Ip Hung-yok. Intellectuals in Revolutionary China, 1921–1949: Leaders, heroes and sophisticates. Routledge Curzon, 2005. 342 p.
12. Kiernan Ben. The Pol Pot Regime. Race, Power, and Genocide in Cambodia under the Khmer Rouge,

1975-79. Third edition. Yale University, 2008. 544 p.

13. Klein Naomi. *The Shock Doctrine: The Rise of Disaster Capitalism*. New York: Metropolitan Books, 2008. 565 p.

14. Malafouris Lambros. *How Things Shape the Mind. A Theory of Material Engagement*. Massachusetts, London: MIT Press Cambridge, 2013. 304 p.

15. Schram Stuart. *Mao's Road to Power: Revolutionary Writings, 1912-49: v. 1: Pre-Marxist Period, 1912-20 Revolutionary Writings, 1912-49*. Routledge, 1992. 688 p.

16. Schwartz Benjamin. *Themes in intellectual history: May Fourth and After // The Cambridge History of China. Vol. 12*. John K. Fairbank (eds.). Cambridge University Press, 1983. 1022 p.

17. Shirokogoroff Sergei Mikhailovich. *Psychomental Complex of the Tungus*. London: Kegan Paul and Co., Ltd, 1935. 469 p.

18. Tyner James. *From Rice Fields to Killing Fields: Nature, Life, and Labor under the Khmer Rouge*. New York: Syracuse University Press, 2017. 241 p.

19. Van Slyke Lyman. *Liang Sou-Ming and the Rural Reconstruction Movement // The Journal of Asian Studies*. 1959. Vol. 18(4). P. 457–474.

20. 김일성. *주체이사회주의건설론*. 평양: 조선로동당출판사, 1991. 116 쪽. = Ким Ир Сен. *Теория социалистического строительства Чучхе*. Издательство Трудовой Партии Кореи, 1991. 116 с.

21. 康有为. *孔子改制考*. 中国人民大学出版社, 2010. 456页 = Кан Ювэй. *Исследование учения Конфуция о реформе государственного строя*. Пекин: Чжунгуо Женмин Дасюэ, 2010. 456 с.

22. 李国强. *毛泽东与庐山 / 李国强, 罗龙炎, 邹秀火*. 江西人民出版社, 2002. 312页 = Ли Гуочян. *Мао Цзедун и Лушань / Ли Гуочян, Луо Лонган, Дзоу Сюхоу*. Цзяньси Женьмин Чубаншэ, 2002. 312 с.

23. 李泽厚. *美的历史*. 生活读书新知三联书店, 2009. 217页 = Ли Дээхуо. *Путь красоты*. Шеньхуо Душу Синчжи Санлианшудуан, 2009. 217 с.

24. 岩井 忠熊. *明治国家主義思想史研究*. 東京: 青木書店, 1972. 292頁 = Тадакума Иваи. *Исследование национализма в период Мэйдзи / Иваи Тадакума*. Токио: Аокисэтэн, 1972. 292 с.

25. 佐々木毅. *国家と人間と公共性 / 佐々木毅, 金泰昌*. 東京: 東京大学出版会, 2002. 312頁. = Сасаки Такеси. *Государство, человек и общность / Сасаки Такеси и Ким Чангтэ*. Токио: Токио Дайгаку Сяупанкай, 2002. 312 с.

26. 苏美两霸的相互争夺. 长沙市: 湖南人民出版社, 1975. 168页 = *Борьба двух гегемонов СССР и США*. Чанша: Хунан Женьмин Чубаншэ, 1975. 168 с.

References

1. Asmolov K.V. [Korean Political Culture: Tradition and Transformation]. Second Edition. Moscow: Dmitry Pozharskiy University Press, 2017. 697 p. (In Russ.).

2. Vigotsky L.S. *Theory of Emotions. Historical Psychological Study // Collection of Works. Vol.6*. Moscow: Pedagogica, 1984. 400 p. (In Russ.).

3. Vigotsky L.S. *Psychological Development of Human Beings*. Moscow: EKSMO, 2005. 1136 p. (In Russ.).

4. Luria A.R. *The Nature of Human Conflicts*. Moscow: Kogito-Centre, 2002. 527 p. (In Russ.).

5. Becker Ernest. *The Denial of Death*. New York: Free Press Paperbacks, 1997. 314 p.

6. Bergère Marie-Claire. Sun Yat-sen. Translated from the French by Janet Lloyd. Stanford University Press, 2000. 370 p.

7. Randall Collins. *Interaction Ritual Chains*. Princeton University Press, 2004. 458 p.

8. Harding Harry. *The Chinese State in crisis // Fairbank J. K. (eds.). The Cambridge history of China. Vol. 15*. 1991. 1136 p.

9. Heine-Geldern R. *Conceptions of State and Kingship in Southeast Asia // The Far Eastern Quarterly*. 1942. No. 2. P. 15–30.

10. Harisanto Eddy. *The Dual Function of the Indonesian Armed Forces (Dwi Fungsi ABRI)*, Master Thesis. Naval Postgraduate School. Monterey, California, USA. Submitted on December, 1993. 132 p.

11. Ip Hung-yok. *Intellectuals in Revolutionary China, 1921–1949: Leaders, Heroes and Sophisticates*. Routledge Curzon, 2005. 342 p.

12. Kiernan Ben. *The Pol Pot Regime. Race, Power, and Genocide in Cambodia under the Khmer Rouge, 1975-79*. Third edition. Yale University, 2008. 544 p.

13. Klein Naomi. *The Shock Doctrine: The Rise of Disaster Capitalism*. New York: Metropolitan Books, 2008. 565 p.

14. Malafouris Lambros. *How Things Shape the Mind. A Theory of Material Engagement*. Massachusetts, London: MIT Press Cambridge, 2013. 304 p.

15. Schram Stuart. *Mao's Road to Power: Revolutionary Writings, 1912-49: v. 1: Pre-Marxist Period, 1912-20 Revolutionary Writings, 1912-49*. Routledge, 1992. 688 p.

16. Schwartz Benjamin. *Themes in intellectual history: May Fourth and After // The Cambridge History of China. Vol. 12*. John K. Fairbank (eds.). Cambridge University Press, 1983. 1022 p.

17. Shirokogoroff Sergei Mikhailovich. *Psychomental Complex of the Tungus*. London: Kegan Paul and Co., Ltd, 1935. 469 p.

18. Tyner James. From Rice Fields to Killing Fields: Nature, Life, and Labor under the Khmer Rouge. New York: Syracuse University Press, 2017. 241 p.
19. Van Slyke Lyman. Liang Sou-Ming and the Rural Reconstruction Movement // The Journal of Asian Studies. 1959. Vol. 18(4). P. 457–474.
20. Kim Ilsung. Juche theory of socialist construction. Pyongyang: Choson Rodongdang Chulpansa, 1991. 116 p. (In Kor.).
21. Kang Youwei. A Study of Confucius as a Reformer of Institutions. Beijing: Zhongguo Renmin Daxue Chubanshe, 2010. 456 p. (In Chin.).
22. Lee Guoqiang. Mao Zedong and Lushan / Lee Guoqiang, Luo Longyan, Zou Xiuhuo. Jiangxi Renmin Chubanshe, 2002. 312 p. (In Chin.).
23. Lee Zehou. A Path of Beauty. Shenghuo Dushu Xinzhi Sanlian Shudian, 2009. 217 p. (In Chin.).
24. Iwai Tadakuma. Study on Meiji nationalism. Tokyo: Aoki Shoten, 1972. 292 p. (In Jap.).
25. Sasaki Takeshi. State, Human, Communal / Sasaki Takeshi, Kim Changtae. Tokyo: Tokyo Daigaku Shuppanshakai, 2002. 312 p. (In Jap.).
26. The Struggle Between the Two Hegemons of the Soviet Union and the United States. Changsha: Hunan Renmin Chubanshe, 1975. 168 p. (In Chin.).

Олег Станиславович ПАХОМОВ, PhD, доцент Центра исследований Северо-Восточной Азии Университета Тохоку, г. Сендай, Япония, e-mail: pakhomov.oleg.c2@tohoku.ac.jp

Oleg S. PAKHOMOV, PhD, Assistant Professor, Center for Northeast Asian Studies, Tohoku University, Sendai, Japan, e-mail: pakhomov.oleg.c2@tohoku.ac.jp

Поступила в редакцию

(Received) 01.02.2023

Одобрена после рецензирования

(Approved) 19.02.2023

Принята к публикации

(Accepted) 07.03.2023